

Атмосфера на миг сгустилась.

Под пристальным, тяжелым взглядом Хуай Сююна Цзи Линьси ощутил мимолетный укол совести, который, впрочем, тут же растаял, словно легкая дымка.

Заметив тень сомнения на лице наставника, Линьси мгновенно проанализировал свои слова и понял, где допустил промах. Отказываясь от помощи учителя, он держался слишком спокойно, даже отстраненно. А такая холодность в глазах Хуай Сююна могла выглядеть как черная неблагодарность — будто ученик, едва встав на ноги, спешил сжечь мосты.

Потратив долю секунды на раскаяние, он вновь заговорил, напустив на себя вид человека, снедаемого неловкостью: — Учитель...

Хуай Сююн выжидающе смотрел на него.

— Дело в том... — Линьси замялся, будто подбирая слова для чего-то постыдного. — Я знаком с одной девушкой. Её семья заключила с властями договор на поставку рыбы. Я обещал ей помочь с развозом. Работа не пыльная, отнимает совсем немного времени, а платить она обещала исправно.

На самом же деле юноша, взвесив все «за» и «против», решил вернуться к старому ремеслу: переодеться, найти какого-нибудь глупого, но сказочно богатого сынка и обобрать его до нитки.

В Юнчэне за обычный труд вряд ли можно было выручить больше двадцати лянов — для простого люда целое состояние, на которое в прежние времена Цзи Линьси мог бы безбедно жить полгода. Но теперь, встав на путь ученого, он понимал: этих денег не хватит даже на приличную тушь.

Лицо Хуай Сююна чуть разгладилось. — И сколько же эта девица готова тебе платить?

Ученик почтительно склонился: — Пока не знаю точно, учитель, но уверен — обижен не буду. Работа легкая, подготовке не помешает, вот я и решил поинтересоваться. — Я... я солгал вам прежде, не желая волновать, — он сделал паузу, добавив в голос нотку стыдливости. — Не думал, что вы так близко примете это к сердцу.

Наставник долго разглядывал его, прежде чем вздохнуть: — Раз всё так, как ты говоришь — ступай. Но чтобы к сумеркам был дома.

Линьси закивал, изображая безмерную признательность, хотя на душе у него скребли кошки.

Теперь, хотел он того или нет, придется идти к Чжао Юнь. Оставалось лишь надеяться, что девушка не забыла его услуги и согласится подтвердить его ложь, если старик вздумает проверить. А если она и впрямь предложит ему дело — будет и вовсе замечательно.

Линьси хорошо помнил адрес, который называла Чжао Юнь: она была рыбачкой из городка Сюньюй. Это было совсем недалеко от академии — на повозке около часа пути. На второй день летних каникул он отправился в путь.

Половину дороги экипаж нещадно трясло. Юноша пытался читать, вцепившись в деревянную раму окна, чтобы не вылететь с сиденья на очередном ухабе.

— Господин, приехали. Сюньюй! — выкрикнул возница.

Цзи Линьси спрятал книгу, потирая отбитый зад, и выбрался наружу. Расплатившись с кучером, он спрыгнул на землю, поправляя дорожный узел.

Повозка укатила, оставив его посреди шумного рынка. Линьси неспешно побрел вдоль рядов, оглядываясь по сторонам. Почти в самом конце торговой улицы, у рыбных рядов, он наконец заметил знакомую фигуру.

Миловидная Чжао Юнь работала вместе с родителями. Как раз в этот момент подошел покупатель. Девушка ловко, привычным движением выудила рыбину из огромного чана, бросила её на разделочную доску и точным ударом обуха ножа оглушила добычу, принявшись споро счищать чешую.

Линьси усмехнулся и шагнул вперед.

Стоявшая рядом с дочерью женщина — простая, добродушная на вид — приняла его за очередного клиента. — Молодой господин, желаете рыбки к обеду? — приветливо спросила она.

Гость вежливо сложил ладони в приветствии: — Всего нет. Я ищу госпожу Чжао Юнь.

Увидев перед собой статного красавца в одеждах ученого, родители девушки невольно переглянулись. Откуда у их дочери такие знакомства?

Услышав свое имя, Чжао Юнь подняла голову. Лицо гостя показалось ей смутно знакомым, но черты были совершенно иными. — Ищете меня? Но кто вы?..

Линьси лучезарно улыбнулся: — Госпожа Чжао, это я — Чу Си.

При звуках этого имени Чжао Юнь замерла, её глаза округлились от изумления.

«Чу Си? Тот самый господин Чу?»

Она помнила его совсем другим — обычным, хоть и не лишенным стати парнем. А этот красавец...

«Чу Си ведь выглядел обычно, хоть и с искоркой мужества?»

Рыбий хвост в её руке слабо дернулся.

Опомнившись, она засуетилась: — Господин Чу! Подождите мгновение, я только закончу с рыбой!

Она с невероятной скоростью разделала заказ, завернула его в лист лотоса и, обвязав бечевкой, вручила покупателю. Наспех вытерев руки, она подошла к Линьси, сияя от радости: — Господин Чу, какими судьбами? Проходите же скорее!

Глядя на её искренний восторг, Цзи Линьси понял: дело в шляпе.

Дорожная пыль и растрепавшиеся волосы придавали ему вид обедневшего, но благородного скитальца. Он окинул взглядом их нехитрый скарб и негромко спросил: — Тот благородный господин ведь одарил тебя тысячью лянов и устроил договор с властями. Почему же ты всё ещё торгуешь здесь?

Он едва не добавил, что видел её на рынке в Юнчэне, но вовремя прикусил язык. — Неужели чиновники не сдержали слово?

Чжао Юнь весело сощурилась: — Что вы, договор в силе! Просто мы с родителями так привыкли к рынку, что без торговли жизнь кажется не в радость. Руки сами к делу тянутся.

Линьси едва заметно нахмурился. Подобная недалёковидность казалась ему верхом глупости. Наследный принц даровал ей шанс, который выпадает раз в жизни. Будь у неё хоть капля деловой хватки, она могла бы превратить этот контракт в золотую жилу, расширить дело, заставить деньги работать на себя... А она всё так же чистит чешую за медяк.

Впрочем, вслух он ничего не сказал, лишь понимающе кивнул: — Вот оно что.

Родители Чжао Юнь много слышали об этом таинственном избавителе и были преисполнены благодарности. Закончив дела, они пригласили гостя отобедать в местном заведении.

За столом Линьси вел себя скромно, позволив хозяевам самим выбрать блюда. Лишь когда голод был утолен, он решился открыть истинную причину своего визита.

Сказать по правде, в его голове на миг мелькнула мысль — а не приударить ли за Чжао Юнь, став «альфонсом» при богатой невесте? Прежний Линьси так бы и поступил. Но встреча с принцем и наставником Хуаем что-то надломила в его душе.

Он понимал: если он опустится до обмана влюбленной в него девушки, то даже достигнув вершин власти, он навсегда останется в глазах Чу Юя грязной сточной жижей, о которую брезгливо марать сапоги.

Эта мысль мгновенно отрезвила его. Линьси не забывал, ради чего так усердно грызет гранит науки. Кроме славы и богатства, у него была иная цель — проложить путь к ложу прекрасного принца. И обе эти цели были для него одинаково священны.

Он поведал Чжао Юнь, что успешно сдал первые экзамены и теперь готовится к провинциальному отбору, но средства его подошли к концу. Зная о её контракте с властями, он пришел просить о любой работе, которая помогла бы ему накопить серебра для поездки в столицу.

Чжао Юнь, уже знавшая его настоящее имя, всплеснула руками: — Господин Цзи, неужели та тысяча лянов уже кончилась?

У неё самой от подарка принца осталось еще более семисот — и это при том, что она справила родителям новую одежду и мебель.

Линьси сокрушенно вздохнул: — Учеба в академии стоит дорого, да и хорошая бумага с тушью нынче не дешевы. Увы, в кошельке моем гуляет ветер.

Разумеется, он умолчал о том, сколько превосходной белой бумаги извел на описание своих эротических фантазий о наследном принце. На то, что касалось его «божества», он никогда не жалел средств.

— Ах, вот оно что...

Чжао Юнь была девушкой прямой и помнила добро. Линьси спас её из запертого сарая в поместье Ван, и теперь она искренне хотела отплатить ему тем же. — Вот что, — сказала она просто. — У меня осталось семьсот лянов, я отдам их вам. Вернете, когда сможете.

Линьси краем глаза уловил, как помрачнели лица её родителей, и поспешно замахал руками: — Ни в коем случае! Что вы, госпожа Чжао! Мне нужна лишь работа, ничего более.

Девушка хотела настоять на своем, но её мать заговорила первой: — Скажите, господин Цзи,

умеете ли вы править повозкой и вести счета? Если да, то нам как раз не хватает надежного человека. Платить будем честно.

Лицо юноши озарилось радостью: — Умею! Конечно, умею!

Он рассыпался в благодарностях, и на этот раз они звучали почти искренне: — Спасибо вам, матушка! Я никогда не забуду вашей доброты.

Получив желанную работу, Линьси попрощался с семейством Чжао, договорившись выйти на службу на следующий день. Вернувшись домой, он тут же доложил об этом Хуай Сююну и его супруге.

— И учеба не пострадает? — обеспоенно спросила госпожа Ци.

— Что вы, матушка-наставница! Госпожа Чжао сказала, что моя задача — лишь доставить рыбу и привести в порядок счета. В остальное время я волен заниматься книгами.

Госпожа Ци улыбнулась: — Ну, такая работа полегче, чем у твоего учителя. Теперь мы спокойны.

Хуай Сююн лишь уткнулся в свою миску, издав неопределенное хмыканье.

Эта служба была скорее милостью, чем настоящим трудом — и Линьси это прекрасно понимал. Каждое утро он с книгой в руках добирался до дома Чжао. Когда была работа — исполнял её прилежно, в остальное же время читал, практиковался в каллиграфии, писал стихи и оттачивал эссе по государственному управлению.

Книг в его руках стало меньше, зато кисть он не выпускал часами.

— Господин Цзи, если вы сдадите провинциальный экзамен, то отправитесь в столицу на столичные испытания? — спросила однажды Чжао Юнь, глядя, как он усердно трудится.

Отец девушки, залечивавший раненую руку, ответил вместо него: — Разумеется. Тот, кто прошел провинциальный отбор, держит путь в столицу. А если удастся войти в первый разряд на столичных экзаменах, можно и вовсе навсегда остаться при дворе.

— В столицу...

Там, в самом сердце империи, жил тот прекрасный господин.

«Если господин Цзи попадет в столицу, сможет ли он вновь увидеть Его Высочество?»

Образ принца, который Чжао Юнь почти успела похоронить в памяти, вновь стал посещать её сны с приходом Линьси.

Она всё так же смеялась и работала, но порой замирала, глядя в спину юноши долгим, задумчивым взглядом. Родители, подмечая это, решили, что дочь влюбилась.

— Кажется, наша Юнь-эр не ровно дышит к господину Цзи, — шепнула мать мужу. — Вот только он, похоже, совсем об этом не думает.

И верно: Линьси был поглощен учебой. Всё свободное от рыбы и счетов время он проводил, зарывшись в свитки так глубоко, что, казалось, перестал замечать мир вокруг.

Отец Чжао хмуро молчал, погруженный в раздумья.

— А ведь господин Цзи человек надежный... — продолжала мать. — Будь у него чувства к нашей девочке, мы бы со спокойным сердцем отдали её ему. Вот только он знает о её прошлом... не станет ли это костью в горле?

Простые люди, они желали дочери лишь счастья. Линьси был хорош собой, работающ, умен и метил в цзюйжэни. Лучшего зятя и желать нельзя. Чтобы прояснить дело, они решились на хитрость.

За ужином отец Чжао наполнил чашу Линьси, а затем и свою. — Отец, лекарь ведь запретил тебе вино! — нахмурилась Чжао Юнь.

— Сегодня можно, — отмахнулся старик. — Мне по душе господин Цзи, хочу выпить с ним за успех его дела.

Дочь лишь вздохнула: — Только не много!

Линьси, как подобает младшему, принял угощение, придерживая чашу обеими руками: — Ваше здоровье, дядюшка.

Пригубив вина, отец Чжао притворно захмелел и принялся расхваливать гостя: — Господин Цзи, вы человек выдающийся, истинный дракон среди людей. Интересно, у такого статного мужа уже есть на примете дама сердца?

Линьси замер. На его лице проступил легкий румянец — то ли от вина, то ли от смущения. — Признаться... моё сердце действительно не свободно.

Мать Чжао так и застыла с половником в руках, а затем любопытно прищурилась: — Вот как? И что же это за красавица? Расскажите нам, вдруг мы её знаем — могли бы и словечко замолвить.

Линьси сжал чашу, прикрыв глаза. Перед его внутренним взором тут же всплыл величественный образ наследного принца. Сердце его пропустило удар. — Тот, кого я люблю...

Он сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле. — Кожа его чиста, словно белый нефрит, лик прекрасен, будто у небожителя... Он обладает величием, недоступным простым смертным, и рожден для самой высокой судьбы...

Слушая это описание, супруги Чжао переглянулись. Очевидно, речь шла не об их дочери. Они посмотрели на Чжао Юнь, но та слушала с восторгом. — Звучит так, будто это дочь какого-нибудь знатного сановника! — воскликнула она. — Неудивительно, что господин Цзи так очарован. Будь я мужчиной, и я бы в такую влюбилась.

Она невольно вспомнила своего «небожителя». Он тоже был прекрасен, величественен и недостижим. И Линьси, и Чжао Юнь одновременно издали глубокий вздох.

— Пока что между нами — пропасть, — тихо произнес юноша. — Но я надеюсь, что если сдам экзамены, то смогу проложить путь к его сердцу.

Чжао Юнь посмотрела на него с нескрываемой завистью. У Цзи Линьси была цель и надежда — он мог выучиться, возвыситься и предстать перед своим идеалом. А ей оставалось лишь хранить свой секрет в глубине души, понимая, что в этой жизни ей больше не суждено увидеть того господина.

Столица... Далекий, ослепительный мираж. Одно упоминание этого слова рождало в душе горечь и тоску по несбыточному.

Окончив трапезу, Линьси распрощался с хозяевами. Хмель и смущение мгновенно испарились, стоило ему выйти за порог. Вечерний ветер охлаждал лицо, а заходящее солнце слепило глаза.

Он прекрасно понял маневр отца Чжао. Говоря по совести, союз с Чжао Юнь — теперь, когда у неё был контракт с властями — был бы для него завидной участью. Но его сердце уже было отдано другому. И хотя принц был так же недостижим, как купол небес над головой, Линьси не желал сдаваться. Он хотел невозможного — взойти на небо и сорвать луну.

Он долго шел до почтовой станции, а когда сел в повозку до Верхнего Речного городка, сразу достал книгу. Но усталость взяла свое, и вскоре его веки отяжелели.

Ему снились алые свечи и золотые кубки, шелк и туман, скрывающий сокровенное. Он видел себя, прижимающим к груди прекрасного принца в алом свадебном наряде. Повозка мерно покачивалась, поскрипывая колесами.

В этом блаженном сне Линьси сладко улыбался, не замечая, как ворот его одежд промок.

Середина восьмой луны. Провинциальный экзамен. Местом испытаний был назначен Цзянлин, главный город префектуры Цзинчжоу.

Путь из Юнчэна до Цзянлина занимал два дня. Линьси подготовился основательно: запасся провизией, сменной одеждой и тяжелым сундуком с книгами и бумагой. Он собирался учиться каждую свободную минуту в дороге. Хуай Сююн хотел помочь ему поднять сундук в повозку, но стоило наставнику натужиться, как он охнул и схватился за поясницу под смех супруги. Линьси тут же подскочил и одной рукой легко забросил ношу в экипаж.

Хуай Сююн, кряхтя, распрямился: — И зачем тебе столько хлама?

Ученик виновато улыбнулся: — Простите, учитель. Хочу почитать в дороге, вот и не удержался, набрал лишнего.

— Ох, ладно... — наставник махнул рукой. — Ступай уже. А матушка-наставница мне спину разотрет.

— Счастливо оставаться, учитель.

— Ступай, ступай! — Хуай Сююн наконец выпрямился. — Будь прилежен на экзамене. Если и впрямь станешь цзюйжэнем, я в академии буду ходить гоголем!

Линьси почтительно кивнул. Он сел в повозку, и стоило ему откинуть полог, как его встретила бескрайняя ночная мгла, освещенная лишь холодным сиянием луны.

С каждым поворотом колеса он удалялся от Юнчэна и приближался к столице, где жил его принц. При мысли об этом глаза Линьси вспыхнули лихорадочным блеском.

Ночь опустилась на императорский дворец. Император Цзинвэнь отложил последнюю кисть и почувствовал навалившуюся усталость, которую уже не мог скрыть даже от самого себя.

В бронзовом зеркале на столе он видел свое отражение: седина в волосах проступала всё отчетливее, как бы он ни пытался её игнорировать.

— Кто-нибудь! — позвал он.

Полог шевельнулся, и в зал поспешно вошел евнух Юй Цзинъянь. Он пал ниц: — Ваше Величество— Ваше Величество!

Монарх велел ему подняться. Юй Цзинъянь приблизился, заискивающе кланяясь: — Желает ли Ваше Величество взглянуть на таблички с именами?

В этом году гарем пополнился юными красавицами, и некоторые уже успели получить милость владыки. Но как бы ни были они свежи, никто не мог затмить Драгоценную наложницу Ань. Недавно одна из фавориток посмела дерзить ей и на следующий же день лишилась расположения императора.

Прежде Чу Цзин непременно отправился бы в покои наложницы Ань или выбрал бы кого-то из новеньких. Но сегодня желание покинуло его. Последние месяцы он всё чаще ловил себя на том, что плотские утехы больше не приносят радости. Он продолжал посещать гарем лишь для того, чтобы доказать себе — он еще крепок и полон сил.

Наложницы воспевали его мощь, и император упивался этой ложью, пытаясь вернуть ускользающую юность. Но сегодняшний взгляд в зеркало вдребезги разбил этот призрачный сон.

Он откинулся на спинку трона и прикрыл глаза. После долгой паузы заговорил: — Ступай. Приведи наследного принца и шестого принца. Я хочу проверить их успехи в учении.

Юй Цзинъянь на миг замер, затем почтительно поклонился и вышел, отдавая распоряжения слугам. Через четверть часа Чу Юй и Чу Суй уже стояли перед залом Цинчжэн.

Двери распахнулись, пропуская братьев. — Приветствуем отца-императора! Долгих лет Вашему Величеству!

Владыка открыл глаза. Его взор остановился на двоих сыновьях, которые были ему дороже всего. — Встаньте.

Чу Юй выпрямился, Чу Суй последовал его примеру.

«Как они молоды...»

Оба его сына были в самом расцвете сил. А он... он начал увядать. Песок времени неумолимо утекал сквозь пальцы, и то, чем он когда-то гордился, ускользало от него. Императора охватил леденящий ужас — он отчаянно пытался удержать власть, чувствуя, как она слабеет.

Если однажды он больше не сможет удерживать то, что имеет, — у него не останется ничего. Для императора остаться ни с чем означало, что его жизнь подошла к концу. Но он не желал мириться с этим.

Жизнь казалась ему несправедливо короткой. Он еще не успел до конца насытиться вкусом желаний и величия, а страх быть поглощенным и выброшенным уже дышал ему в затылок.

— Наследный принц! — Монарх заставил себя выпрямиться, стараясь вернуть лицу привычную грозную маску.

— Слушаю, отец, — Чу Юй шагнул вперед. В свете светильников его лицо казалось безмятежным и холодным. Его янтарные глаза неподвижно созерцали блики на полированном полу.

— Слышал я, ты в последнее время заперся в Восточном дворце и не выходишь из-за книг.

— Провинциальные экзамены на носу, отец. У вашего сына выдалось свободное время, и он решил освежить в памяти законы империи, — ответил принц чистым и спокойным голосом.

— А ты, Суй-эр? — Чу Цзин повернулся к младшему сыну.

Тот на миг замешкался, припоминая наставления матери, и тихо произнес: — Ваш сын... последнее время читал «Книгу правителя области Шан» и «Всеобщее зеркало, управлению помогающее»...

Император усмехнулся: — Прилежно, ничего не скажешь. Видать, матушка подсказала, на что обратить взор?

— Все нет, я сам пожелал этого, — заученно ответил Суй-эр.

Чу Цзин не поверил ему ни на грош. Он слишком хорошо знал младшего сына — тот всегда предпочитал забавы учению: то сверчков стравливал, то резные безделушки собирал. Лишь под гнетом матери он брался за свитки, но проку в том было мало.